

КОНТЕКСТЫ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

В. А. Мединцев

кандидат психологических наук

*Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины
г. Киев, Украина*

Аннотация. При разработке всего комплекса теоретико-методологической проблематики психологии, в том числе интеграции психологического знания, дополнительные возможности открывает использование достижений общенаучной методологии и философии науки.

Ключевые слова: интеграция в психологии, эпистемологическая модель, принципы научной рациональности, социально-гуманитарное знание.

Психологическая наука как подсистема научного знания связана с его нормами, традициями и тенденциями развития. В частности, это относится к закономерностям создания научно-психологических теорий и к совершенствованию всего комплекса теории психологии: от переосмысления классических теорий до разработок моделей интеграции психологического знания, необходимых для рационального аккумуляирования усилий исследователей и значительного повышения эффективности научных разработок. Из наиболее актуальных на сегодня направлений исследований по интеграции психологического знания выделю следующие: согласование и принятие психологическим сообществом содержательно ёмкого и универсального определения предмета психологии (см. [5; 6] и др.); решение проблем, связанных со спецификой языка психологической науки ([8] и др.); разработки универсальных методов описания предметной области психологии и человековедения в целом (см. [1; 2] и др.).

На более высоком уровне научного описания эти и другие вопросы рассматривают в философии науки, в частности это касается проблемы интеграции научных теорий и построения метатеорий, а также вариантов формулирования общих принципов научной рациональности, а также в различных предметных областях знания. Рассмотрим некоторые философские дискурсы, представленные в последнее время.

В работе [7] приведён пример из недавнего прошлого науки: в первые годы после создания общей теорией относительности её соотношения с конкурирующими теориями носили более

сложный характер, чем размежевание истины и заблуждения, поэтому стала необходима форма некоего обобщённого описания данной предметной области. Последующие исследования, в том числе в философии науки, позволили построить значительно более точные научные теории и создать модели научных революций. Автором статьи предложена эпистемологическая модель, согласно которой научные революции возникают вследствие встречи ряда «старых» парадигм, исследовательских программ или исследовательских традиций. Их не удастся согласовать между собой за счет подчинения одной из традиций другой. *Выходом является создание глобальной теории, содержащей в себе встретившиеся теории в «снятом», преобразованном виде.* Предварительным этапом построения такой синтетической теории является *построение серии гибридных теорий*, которое продолжается до тех пор, пока одна из гибридных моделей не укажет на возможный путь построения глобальной модели за счет последовательного обобщения моделей, принадлежащих к низшему уровню развитой научной теории. Построение конкретной эпистемологической модели смены теорий, полагает автор статьи, невозможно без прояснения структуры развитой научной теории, без уяснения того, что «развитая научная теория» XIX и XX вв. – это не просто модель и даже не группа моделей, а целая совокупность разных *групп* моделей.

Дискуссии философов о направлениях перестройки структуры научного знания привели, в частности, к обновлённому видению его единства [3]. Одним из результатов стало наполнение конкретным содержанием концепта *трансдисциплинарное знание*. В этой связи по-новому актуальной стала идея Ф.Т. Михайлова о таком изменении дисциплинарного строения науки, при котором в основу была бы положена единая теория для логики и структуры естественнонаучного и гуманитарного знания. Предложенное для такой теории название «*общее человековедение*» представляется мне не вполне отражающим её основное содержание, однако аргументация необходимости такой теории кажется достаточно убедительной. В частности, когда речь идёт о том, что изменения в современной науке связаны не только с новым знанием, но и с новыми методологическими воззрениями на его строение. Также можно согласиться с тем, что одной из современных тенденция является активное переустройство гуманитарного и естественнонаучного знания. Существенными представляются и исторические отсылки к тому, что современная классификация наук строилась тогда, когда ещё не было проблем с междисциплинарностью и комплексностью знания, тогда как теперь граница между естественнонаучным и гуманитарным знанием размывается, в частности в исследованиях человека и в биомедицине трудно отделить природное от человеческого, некоторые термины технических наук (*технология, инженерия* и др.) успешно применяют в человековедении, а гуманитарные, в частности аксиологические, компоненты закрепились в естественнонаучном знании.

Научная проблематика интеграции знания может быть результативно разработана с учётом сложившихся в культуре требований научной рациональности, прежде всего, *теоретического познания*. Эти требования, как

они представлены в [4], таковы:

- 1) дискурсная фиксация знания о теоретических объектах;
- 2) однозначность значения и смысла теоретических понятий и суждений;
- 3) интуитивная ясность (несомненность для критического познающего мышления – Декарт), конвенциональность или эмпирическая обоснованность исходных утверждений теории;
- 4) логическая (дедуктивная) выводимость или конструктивное построение производных утверждений теории;
- 5) математическое описание свойств теоретических объектов и отношений между ними, нахождение для теоретических законов соответствующих функций (и формул) из области математики;
- 6) логическая непротиворечивость и полезность теоретических конструкций для развития науки и практического применения;
- 7) замыкание теоретического знания на эмпирическое и метатеоретическое знание;
- 8) эмпирическая и/или метатеоретическая обоснованность.

В этом убедительном в целом перечне спорным представляется пункт (5) о математическом описании, поскольку, как известно, применимость таких описаний в ряде направлений психологии является давней и острой дискуссионной темой. Кроме того, полагаю, пункт (7) отчасти противоречит пункту (8): неясно, обязательно ли для рациональной теории быть «двусторонне» обоснованной – со стороны метатеории и эмпирическими проверками?

Насколько эти требования императивны для современного психологического дискурса, также пока остаётся неясным. С одной стороны, принципы рациональности необходимо соблюдать в любом теоретизировании вне зависимости от его предмета, с другой – в этой же статье [4] выделены требования рациональности, которым должны удовлетворять различные научные отрасли. В частности, для *социально-гуманитарного* знания речь идёт о требованиях: социально-ценностной характеристики предмета исследования, рефлексивности, системности, культурологической обоснованности, адаптивной полезности, а также открытости к критике и возможность изменения. При сравнении этих требований с восемью пунктами требований рациональности *теоретического* познания можно видеть, что почти все они содержательно совпадают и отличаются лишь формулировками. Исключение составляют требования социально-ценностной характеристики предмета и культурологической обоснованности социально-гуманитарного знания. Возможно, эти весьма нечёткие требования и заключают в себе главную особенность социально-гуманитарной рациональности, где возможны различные трактовки всех его компонентов.

В заключение отмечу, что разработки теоретико-методологических средств интеграции психологического знания явно или неявно связаны с философскими ориентирами, и разнообразие таких ориентиров даёт себя знать в разнообразии подходов к интеграции в психологии. Однако чем более явно

обозначена такая ориентация авторами подходов, тем более рациональной, а значит, и результативной может протекать критическая дискуссия относительно каждого подхода. Тогда открывается возможность всем заинтересованным в интеграции психологического знания принимать согласованные решения.

Библиографический список

1. Балл Г.А., Мединцев В.А. Модернизация научной коммуникации: актуальные проблемы и подходы к их решению / Стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития: Труды VII Междунар. научно-практич. конф. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – Ч. 1.
2. Балл Г.А., Мединцев В.А. Теоретико-множественный метод описания процессов и его применение в психологии: монография. – К.: Педагогічна думка, 2016. – 88 с.
3. Воронин А.А. Программа «общего человековедения» Ф.Т. Михайлова и трансдисциплинарность // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 102–108.
4. Лебедев С.А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 66–79.
5. Мазилев В.А. Предмет психологии: новая версия // Теоретичні дослідження у психології. Збірник статей. Том II. / Впор. В.О. Медінцев. Харків: Монограф, 2017. С. 2–19.
6. Мазилев В.А. Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. Т.38. №5. С. 97–102.
7. Нугаев Р.М. Генезис общей теории относительности: интертеоретический контекст // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 62-70.
8. Слепко Ю.Н. Язык науки и проблема интеграции психологического знания и сообщества // Теоретичні дослідження у психології. Збірник статей. Том III. / Впор. В.О. Медінцев. Харків: Монограф, 2018. С. 77–92.